

Всесвітня історія

А. В. Шубин

ПРИТЕСНЕНИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 50–60-Х ГГ. СОВЕТСКИЙ КОНКОРДАТ

20-30-е гг. были в истории русского Православия годами гонений и исканий. В пламени революции Церковь освободилась от опеки государства, но священники и паства разделились. Сохранять ли церковные порядки в неприкосновенности или идти путем обновления, русской реформации? Бороться ли с новым, атеистическим государством или искать компромисса? Эти вопросы разделили Церковь. Коммунистический режим, видевший в Церкви конкурента в мировоззренческой борьбе, обрушил на нее репрессивный меч и огонь атеистической агитации, используя любой повод для арестов и казней. Это были гонения, подобные римским. Они внесли серьезные разрушения в церковную инфраструктуру, но Тело Христово устояло и стало искать примирения с советским обществом и властью.

Государство тоже менялось, синтезируя коммунистический проект и традицию. Великая война ускорила сближение.

После исторической встречи Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем 4 сентября 1943 г. государство признало право Церкви на легальное существование и ограниченное развитие своей инфраструктуры, включая монастыри и семинарии. РПЦ получила ограниченные права юридического лица. Таким образом, Сталин санкционировал заповедник инакомыслия, хотя и не политического, но мировоззренческого. Для улучшения отношений государства и Церкви создавалось специальное ведомство – Совет по делам РПЦ во главе с Г. Карповым. Государство тут же взяло Церковь под опеку, предоставив государственную материальную поддержку новоизбранному Патриарху Сергию и митрополитам, поспособствовав преодолению раскола с обновленцами. Под государственным давлением большая часть обновленческого клира была интегрирована в РПЦ [1, с.589-602]. Легкость этой интеграции объясняется не только государственным давлением, но и преодолением одной из важнейших причин раскола – разного отношения к советскому государству. Уже заявление патриарха Тихона 1923 г. и Декларация митрополита Сергия 1927 г. означали, что РПЦ отказывается от борьбы с атеистическим режимом. Но советское государство все еще видело в Православии угрозу, и потребовалась длительная эволюция режима к признанию дореволюционных ценностей (связанная и с изменением состава самой партийной касты), чтобы заключить с РПЦ советский «конкордат».

РПЦ стала союзником власти в решении внешнеполитических проблем (поддержкой СССР на международных фронтах занялся возникший в 1946 г. Отдел внешних церковных сношений во главе с митрополитом Николаем), в борьбе с сепаратизмом Западной Украины, где борьба с украинскими националистами сопровождалась разгромом Униатской церкви. В этих вопросах государство и Церковь исходили из совпадения интересов. Если это совпадение не обнаруживалось, Сталин властно воздвигал пределы для религиозной пропаганды. Малейшие попытки выйти со словом Божиим за пределы начерченных государством границ кончались арестом. Однако «за арестами 40-х гг. не стояло умысла об искоренении Церкви, в отличие от 20-30-х гг.» [2, с.506].

В тоталитарном режиме граница между «положительным» и «отрицательным» определяется и передвигается волей партийно-государственного центра. В авторитарном – соотношением лоббирующих сил. Советы по делам религий и по делам РПЦ сначала развивали дело, признанное полезным, а затем лоббировали свое ведомственное направление, защищая его от дерганий курса партии и сопротивления неуступчивых иерархов.

Позиция Советов и его структур (особенно – по делам РПЦ) вызывала недовольство других звеньев номенклатуры. Так, в письме в ЦК КПСС от 5 марта 1959 г. партийный лидер Молдавии Д. Ткач писал, что, действуя в соответствии с установленными в 1945-1946 гг. правилами, уполномо-

ченный по делам РПЦ при правительстве Молдавии закрыл «доступ финансовым органам к документам, учитывающим доходы церковных организаций», что «дает возможность последним уклоняться от обложения налогами», а также «стал оказывать активную помощь церквям, монастырям в приобретении ими различных транспортных средств, сельскохозяйственных машин, электростанций, строительных материалов, тем самым способствовать расширению экономической деятельности религиозных организаций, обогащению духовенства, усилению влияния церквей и монастырей на население» [3, с.107-108]. Ситуация в Молдавии была лишь частным случаем процессов, происходивших во многих регионах СССР. Как жаловался на совещании в ЦК заведомо агитации и пропаганды ЦК КП Украины, есть уполномоченные, «которые просто забывают, кому служат: то ли партии служат, то ли Богу» [4, л.48].

Совет по делам РПЦ лоббировал в вышестоящих партийно-государственных структурах снижение налогов с духовенства [5, с.349]. В этом была своя логика – с молчаливого согласия властей при Сталине священники платили налоги не со всех доходов – часть средств считалась представительскими расходами. В условиях тоталитаризма все держалось на доброй воле властей. Но в середине 50-х гг. рамки «можно-нельзя» становились более определенными, и Совет стремился упорядочить сбор налогов без ущерба и для Церкви, и для государства.

В новых условиях, когда партийно-государственному центру предстояло ослабить контроль над обществом, Церковь стала вызывать нешуточное беспокойство. В теле советского общества существует мощная корпорация со своим хозяйством, идеологией и воинской дисциплиной. Одно дело, когда была железная рука Сталина – не забалуешь. А теперь перед властью встала задача сдерживания влияния Церкви.

7 июля 1954 г. вышло постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», где было раскритиковано примиренчество в отношении религии.

Постановление вызвало панику среди верующих (преследования 20-30-х гг. были свежи в памяти) и протесты со стороны видных иерархов, включая публичные проповеди [5, с.350-351]. Стало ясно, что может начаться новый 1922 год – со столкновениями вокруг храмов. В итоге руководители КПСС «сдали назад».

В 1952-1954 гг. число церквей с регулярной службой возросло на 354. 17 февраля 1955 г. было облегчена регистрация реально существующих религиозных общин. В 1956 г. Патриархии были переданы права на здания Троице-Сергиевой Лавры (десять лет монастырь существовал «на птичьих правах»). В 1957 г. количество храмов достигло 13478, численность духовенства 12288.

Часть священников демонстративно игнорировала указания уполномоченных по делам РПЦ, как, например, архиепископ ленинградский Григорий. Власть ощущала нарастающее давление со стороны верующих. Количество просителей за открытие новых храмов выросло в 1955-1956 гг. с 1700 до 2299.

Для авторитарного режима было неприемлемо расширение одной из влиятельных субкультур. Это могло «перекосять» всю социальную конструкцию. Соответственно, государство стало готовиться к контрудару, к действиям, которые должны были указать «церковникам» на место. Действия против РПЦ начинались как оборонительные, сдерживающие.

Приказано уничтожить?

Сегодня принято считать, что Хрущев обрушил на Церковь гонения с тем, чтобы в кратчайшие сроки ликвидировать ее и «религиозные предрассудки» вообще.

«В этот период, наполненный драматизмом, советское руководство в кратчайшие сроки решило религиозную проблему в стране» [3, с.93], – утверждает православный историк О.Ю. Васильева. «В 1958 г. первый секретарь ЦК КПСС начал кампанию, направленную на искоренение религиозных организаций» [6, с.173], – вторит ей Н. Митрохин, критически анализирующий РПЦ. Но есть ли доказательства, что Хрущевым ставилась именно такая цель?

Ссылаются на полемические высказывания, которыми славился Хрущев. Он обещал показать по телевизору «последнего попа», а американцам – «кузькину мать», как-то сгоряча даже обещал «похоронить» Запад. Но все это вряд ли стоит понимать буквально.

Современные авторы, уверенные, что план уничтожения Церкви существовал, вынуждены его реконструировать: «поставить Церковь под контроль и затем медленно задушить – такая цель казалась вполне достижимой» [6, с.175]. Если стремление руководства КПСС держать Церковь под контролем не вызывает сомнений (оно не является особенностью именно коммунистических правителей, было характерно и для российских императоров), то вот насчет «задушить» возникают вопросы. Мы увидим, что темпы сокращения числа приходов заметно снизились уже при Хрущеве.

Давление на РПЦ могло иметь куда более скромную цель, чем ее удушение – вернуть это инородное для коммунистического режима тело в рамки, за пределы которых РПЦ далеко вышла после войны.

Первые признаки того, что государство не намерено больше «потакать» Церкви, появились уже в 1957 г. 2 декабря Совет принял решение снять с регистрации церкви, где не проводятся слу-

жбы. Некоторое время процесс развивался подспудно, постепенно усилилось давление на приходы в регионах.

Более серьезные неприятности начались осенью 1958 г. Собственно, первое наступление Хрущев начал из утилитарных соображений. Монастыри получали огромные пожертвования – только в 1957-1958 гг. Почаевская лавра получила переводов на сумму 3,4 миллиона рублей и более 11 тыс. посылок.

Стремясь наложить руку на церковные богатства, государство руководствовалось не столько стремлением навязать верующим атеизм, сколько экономическими интересами – как монархи прошлых веков.

16 октября 1958 г. правительство приняло постановления «О монастырях в СССР» и «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений и монастырей». Отмененные в 1945 г. налоги на землю для церковных учреждений восстанавливались. Часть земли изымалась. Насельники должны были трудиться в поте лица своего, как колхозники. Налоги на свечи увеличились в десять раз, а их розничную цену увеличивать было нельзя.

В сентябре 1958 г. Карпов убеждал Патриарха в оправданности грядущих мер: Церковь очень богата, у священников столько денег, сколько нет у простых советских граждан, с излишествами и роскошествами нужно быть скромнее. Эти протестантские аргументы не удовлетворили Патриарха.

Как и протестанты в борьбе против католиков, советское государство метило в монастыри. Патриарх заявил, что в случае закрытия монастырей он уйдет на покой в знак протеста [5, с.363]. Если бы государство действительно планировало развалить Церковь, отставка могла этому способствовать. Но власти ставили перед собой куда более скромные задачи, и воспринимали возможную отставку Патриарха как угрозу своим интересам. О полном закрытии монастырей речи не шло, их количество должно было только сократиться.

Ликвидация монастыря была сложной политической акцией, технология которой обсуждалась, в частности, на Всесоюзном совещании агитационно-пропагандистских работников в октябре 1959 г. Важно продумать, кто за что отвечает, заранее подготовить трудоустройство монахов, выяснить, «что делает в этот момент окружающее население. Нужно, чтобы все были заняты на полях, если речь идет о деревне. Нужно было знать, кто отвечает за то, чтобы никакой мерзавец не ударил в набат» [4, л.46]. Любой сбой, любое промедление могут привести к провалу, потому что у Церкви на местах есть союзники – уполномоченные по делам РПЦ. «Иногда товарищи не смогли приехать, а время не ждет, уполномоченный по делам православной церкви говорит: не надо ликвидировать, как бы чего не вышло» [4, л.46].

Однако избежать волнений не удалось. В Речульском монастыре в Молдавии и Кременецком на Украине произошли столкновения.

5 июня 1959 г. Совет министров Молдавии принял решение закрыть Речульский монастырь. Но в нем забаррикадировалось 150-200 верующих. 1 июля на переговоры с ними прибыли партийные и советские работники, которых встретили градом камней и поленьев. Два чиновника были ранены, сопровождавший их милиционер в ужасе стал стрелять и смертельно ранил паломника. После этого оборонявшиеся сдались [7, л.168].

Ситуация начинала напоминать о волнениях 1922 года, что явно не входило в расчет властей. По инициативе Совета причиной волнений в Речульском и Кременецком монастырях была признана торопливость властей, нежелание информировать заранее Патриархию, признавшую план закрытия монастырей [7, л.228].

Совет сдерживал инициативу местных партийных структур, вводя нормативы по закрытию монастырей и церквей, которые не следовало превышать. В самом Совете развернулась борьба между старыми кадрами во главе с Карповым и новыми членами во главе с Сивенковым, настроенными более решительно. В частности, Сивенков критиковал стремление Карпова добиться «известного освежения той замкнутости атмосферы, которая существует в духовных учебных заведениях» [7, л.39]. Мы увидим, что в этом вопросе партийные ортодоксы солидаризировались с линией Патриарха, в то время как Карпов симпатизировал церковному вольномыслию.

4 апреля 1959 г. Патриарх был вынужден поддержать предложенный Советом план сокращения числа монастырей в два раза, как «наиболее безболезненное разрешение этого вопроса» [7, л.79]. То есть, как меньшее из зол. Это было тяжелое решение, и Патриарх надеялся на ответные уступки.

На встрече с Карповым 19 мая Патриарх жаловался, что уполномоченные ряда областей «командуют расстановкой духовенства, назначением в церковные двадцатки, ревизионную комиссию и т.д.» [7, л.111]. Но особенное недовольство иерархов Церкви вызывали нападки в прессе. Как сообщал ренегат Церкви А. Осипов, информировавший государственные структуры о положении в Церкви, священники больше боялись фельетонов, чем атеистической литературы, так как верующие говорят «дыма без огня не бывает» [7, л.279-280].

9 апреля в «Комсомольской правде» опубликован материал ренегатов Церкви Е. Далумана и П. Драманского «Откровенно говоря», с грубыми оскорблениями в адрес мощей Сергия Радонежско-

го. Также возмущение Патриарха и верующих вызвала брошюра Д. Сидорова «Из ребра ли адамова?», где священники практически поголовно объявлялись нелояльными советской власти корыстолюбцами. Патриарх жаловался на такие нападки в личном письме Хрущеву [7, л.152-153]. Разобрав эту ситуацию, отдел агитации и пропаганды ЦК вынужден был указать редакциям на «перегибы». Так, главный «гонитель» Церкви и в скором будущем – главный идеолог партии Л. Ильичев констатировал: «о «мощах» Сергия Радонежского, видимо, следовало сказать в более деликатной форме...» [7, л.164].

В августе 1959 г. последовало указание отдела ЦК газетам избегать оскорблений чувств верующих [5, с.368]. Притеснения не переросли в гонения, но линия на уменьшение количества монастырей сохранялась. В первые месяцы после увеличения налогового пресса «духовенство буквально разорялось» [5, с.364]. Но не разорилось. Патриархия приняла экстренные меры, поддерживая бедствующие приходы. Патриарх дал добро на тайное производство свечей и закупку свечей в государственной торговле [5, с.365]. Как рассказывали в церковных кругах, обсуждая сокрытие доходов священниками, Алексей, смеясь, сказал: «Что же делать?! Они сами вынуждают нас на ложь? Вот отцы и выкручиваются, как умеют» [7, л.258].

Более того, архиепископ Ермоген Ташкентский, например, умудрялся под видом ремонта строить новые храмы [5, с.370]. Патриарх противился требованию Совета уволить строптивых архиепископов.

В феврале 1959 г. митрополит Николай откровенно говорил членам Совета, что в связи с начавшимся «наступлением на Церковь» отказывается посещать дипломатические приемы. Напряжение между Церковью и государством росло.

В 1958-1959 гг. развернулась также борьба против паломничества к святым местам. Главный удар этой кампании наносился не по Православию, а по Исламу.

Первая атака на религию 1958-1959 гг. носила ситуативный характер. Она беспокоила верующих, ходили слухи, что «по-видимому настанут 30-е годы», и священников сошлют в Сибирь [7, л.49].

Но, столкнувшись с сопротивлением, власти стали продумывать более системные меры, способные ограничить влияние Церкви четкими рамками.

«Нападки и порицания»

Сигналом к началу нового этапа конфликта стало выступление в «Правде» 6 декабря 1959 г. бывшего профессора Ленинградской духовной академии, которого за глаза называли «златоустом» [8, с.148], Александра Осипова. Он отошел от Православия и теперь с яростью неопита атеизма бросился обличать религию.

Сразу после выступления Осипова, 10 декабря Г. Карпов встретился с Патриархом и митрополитом Николаем, и проинформировал их, что теперь антирелигиозная агитация будет вестись в более широких масштабах. На возражения о том, что в обличениях в адрес РПЦ много клеветы, Карпов ответил, что обвинения эти исходят изнутри Церкви – от тех, кто порывает с ней. Патриарх настаивал, что на этих людей оказывалось давление. Карпов потребовал доказательств, которых у Патриарха не было [8, с.185-186].

Иерархи были намерены сопротивляться кампании. Особенно радикален в это время был митрополит Николай. Он дерзнул посягнуть даже на «святыя святых» – космические успехи СССР: «Жалкие безбожники! Они подбрасывают вверх свои спутники, которые вспыхивают и, погаснув, падают на землю, как спички, и они бросают вызов Богу, зажегшему солнце и звезды, которые вечно горят на горизонте» [9, с.34]. «Проповеди митрополита Николая в Преображенском Соборе, где он обыкновенно служил в Москве, становились все более и более резкими. Иногда он просто начинал кричать, что, конечно, действовало на народ. В это время в печати велась кампания против крещения детей, доктора в газетах "научно" доказывали "вред крещения для здоровья". Митрополит Николай кричал против них в своих проповедях: "Какие-то жалкие докторишки!"» [10, с.103].

Позднее, объясняя причины своего увольнения, митрополит Николай говорил архиепископу Василию: «Это от *гражданских властей*. Вы, наверное, слышали, что у нас за последнее время очень усилилась антирелигиозная пропаганда. Я с этим боролся в своих проповедях. Не в тех, конечно, которые печатались в ЖМП, а в церквях. А народ мои проповеди слушает и любит... Именно это и было неприемлемо для наших сегодняшних властей. Им нужны архиереи, которые молчат и *торжественно* служат. А те, которые проповедуют и борются с безбожием, им невыносимы и непонятны. Вот меня и убрали!» [10, с.56]. Итак, даже владыка Николай, настроенный к властям весьма критически, сознавал, что они не намерены сокрушать Церковь, что их устраивают те, кто лишь «торжественно служит».

...Наступил XXI век. Изменилась эпоха. Власть и Церковь демонстрируют друг другу знаки всяческого почтения. Архиереи торжественно служат, а не обличают социальные язвы в проповедях...

Радикализация позиции Николая произошла после 1958 г., когда в Совете не вызвала поддержки инициатива митрополита о присуждении международной Ленинской премии мира «кому-нибудь из руководства Патриархии» [5, с.361]. Это вызвало толки по поводу причин обиды Николая

на власть* [10, с.92-93]. В оправдание митрополита можно сказать, что эта история совпала с усилением давления государства на РПЦ. В любом случае Николай и ряд других иерархов сочли возможным ответить на усиление налогообложения и закрытие монастырей обличительными проповедями.

После полемической артподготовки аппарат ЦК подготовил план церковной реформы, которая должна была установить новые правила отношений Церкви и советского общества.

13 января 1960 г. было принято постановление ЦК КПСС «О мерах по ликвидации нарушений духовенством Советского законодательства о культах». Постановление напоминало, что Декрет об отделении Церкви от государства и постановление ВЦИК и СНК 1929 г. передавали все церковное имущество прихожанам. А «Положение об управлении Русской Православной Церковью» Поместного собора 1945 г., утвержденное правительством, «отстранило прихожан от управления имуществом и денежными средствами, вернув эту прерогативу, как это и было прежде, настоятелю» [3, с.113]. Предстояло восстановление «демократических норм». Руководство приходской общины («двадцатка») должно было не назначаться священником, а избираться самой общиной. Разумеется, это можно было делать под контролем властей и приводить к власти в общине ее ставленников. Но не стоит преувеличивать масштаб перемены. Власти и прежде имели возможность контролировать состав «двадцаток». К тому же «ставленник властей» должен был быть вовлечен в церковную жизнь. Большинство руководителей общины были людьми верующими, заботившимися о деле, но лояльными властям. Эта мера была направлена против наиболее радикальной части церковного актива, о которой писал Осипов, и которая зримо проявила себя в Ивантеевском деле как раз в январе 1960 г.

Постановление ЦК не было обязательно для Церкви, хотя и предопределяло государственные меры. Но принятие правительственного постановления затянулось на год, так как руководство Церкви решилось «вынести сор из избы».

Выступая 16 февраля 1960 г. на Конференции советской общественности по разоружению Патриарх Алексей I перечислил заслуги Церкви в отечественной истории, и осторожно добавил: «несмотря на все это, Церковь Христова, полагаящая своей целью благо людей, от людей же испытывает нападки и порицания, и тем не менее она выполняет свой долг, призывая людей к миру и любви» [2, с.513].

Публичное упоминание на международном мероприятии «нападок и порицаний» против Церкви в СССР было неслыханным нарушением прежнего внешнеполитического союза. Когда Патриарх закончил читать речь, в зале раздались два-три жидких хлопка, а вслед за тем один за другим поднялись представители «общественности» и начали громить Патриарха... «Вы хотите нас уверить, что вся русская культура создана Церковью, что мы ей всем обязаны, но это неправда» и т.д. Произошел целый скандал» [10, с.57-58], – рассказывал митрополит Николай архиепископу Василию.

Руководители государства были возмущены, но выступление Патриарха задержало дальнейшее наступление властей. Теперь, во избежание толков за рубежом, требовалось добиться согласия РПЦ на основные мероприятия реформы.

21 февраля председатель Совета по делам РПЦ Г. Карпов был отправлен в отставку и заменен В. Куроедовым, который еще не подпал под «чары» священников** [3, с.108-110]. 11 марта на встрече с руководством Патриархии Куроедов подтвердил, что курса на уничтожение Церкви не существует, но государство намерено строже контролировать соблюдение ею законодательства о культах.

Однако Патриарха это не успокоило, и он продолжал критиковать государственную политику. 11 марта 1960 г. Алексей на приеме в Совете по делам РПЦ высказал представителям власти серьезные претензии по поводу эксцессов 1959 года. В прежние послевоенные годы не было закры-

* Они циркулировали даже в окружении митрополита и были затем пересказаны архиепископом Василием (Кривошеиным): Николай «не довольствовался многими орденами, которые у него были, ему вздумалось еще получить от Советского Комитета по защите мира "Ленинскую премию мира". И вот он не раз посылал меня в Комитет, где я должен был говорить о его заслугах в борьбе за мир и добиваться присуждения ему этой премии. Как мне было тягостно и стыдно исполнять это поручение митрополита Николая! И как он унизил и опозорил своими домогательствами Русскую Церковь получением этой Ленинской премии... но конец был еще позорнее. Дело в том, что Советское правительство наградило Патриарха Алексея грамотой "За защиту мира", а митрополита Николая обошло. Так митрополит Николай обиделся и послал меня в Комитет заявить, что он отказывается от Ленинской премии!

В ответ на это мне с иронией заявили в Комитете, что митрополит Николай напрасно беспокоится, никто и не думает присуждать ему премию», – рассказывал сотрудник Николая из отдела внешних сношений А. С. Бувеский.

** Однако, судя по докладу Куроедова о конфликте Патриарха и митрополита Николая, новый глава Совета с самого начала относился к Патриарху с симпатией и даже в закрытом документе защищал его от «клеветы» митрополита (см. далее).

тий храмов без уведомления верующих и с уничтожением утвари, как в Харькове, Златоусте, селе Горцы. Патриарх возмущался разгоном паломников в Коренной пустоши [11, с.143]. Само это перечисление показывает, что речь шла об эксцессах, а не о тотальном преследовании и разгроме.

Патриархия была вынуждена маневрировать. Под давлением властей митрополит Николай, который был автором февральской речи Патриарха, 21 июня отставлен с поста руководителя Отдела внешних сношений* [10, с.97]. Против него обернулся и начатый им в 1959 г. саботаж внешнеполитической работы.

Николаю было предложено занять важную Ленинградскую кафедру или любую другую. Но он решил бороться за сохранение за собой места Патриаршего местоблюстителя, второго человека в РПЦ и наследника Патриарха** [12, л.177]

Николай просил чешского богослова профессора Громадку, американского епископа Бориса и архиепископа Брюссельского Василия информировать зарубежную общественность о политических причинах его отставки [12, л.176]. Разговор Николая и Василия шел приватно, и Николай прервал его, когда вошел митрополит Алексей (будущий Патриарх), так как Алексею Николай не доверял [10, с.60]. Николай не чувствовал поддержки своей позиции в руководстве Патриархии, которое склонялось к тому, что дурной мир с властями лучше доброй ссоры.

Более того, как утверждал В. Куроедов, «высшее духовенство в Советском Союзе в общем положительно встретило это мероприятие (отставку Николая с поста руководителя Отдела внешних сношений – А.Ш.), и, главным образом, потому, что митрополита Николая епископат не любит за его тщеславие, эгоизм и карьеристские наклонности» [12, л.175].

28 августа в беседе с Куроедовым Патриарх говорил, «что до него доходят слухи о том, что митрополит очень болезненно переживает свое освобождение от должности председателя отдела внешних сношений патриархии, ищет себе сочувствия в церковных кругах, старается создать атмосферу недоверия вокруг новых руководителей отдела внешних сношений, занимается интриганством» [12, л.176].

В то же время Николай стремился к примирению с властями. Архиепископ Василий рассказывает: «И действительно, вслед за тем раздался голос митрополита Николая: «Вы завтра, как я слышал, будете у Макарецва. Очень прошу Вас, скажите ему то, что Вы говорили мне, — как широко известна за границей моя деятельность в защиту мира, как я лично известен, как ценят мои выступления и какое они имеют значение для Советского Союза, и что они поднимают престиж этой страны! (Надо сказать, что дословно я этого никогда не говорил митрополиту Николаю. А говорил Куроедову (см. выше) из желания помочь митрополиту Николаю с поездкой во Францию. — А.В.) Очень прошу Вас это сделать, Вы тем самым много мне поможете». Я согласился, хотя и без большой охоты. Мне стало жалко митрополита Николая. Еще недавно чуть ли не самый влиятельный и сильный иерарх Московской Патриархии теперь просит помощи и защиты у приехавшего из-за границы епископа-эмигранта, значительно более молодого по возрасту и хиротонии» [10, с.78].

9 сентября Николай обратился с письмом к Хрущеву: «Мне чрезвычайно тяжело оставить центральное церковное управление и работу, исходящую отсюда в защиту мира и незаслуженно принять это понижение по линии моей работы». Перечислив все награды, которыми удостоило его советское государство и все свои заслуги перед Родиной (включая опасность от «бендеровцев» и неразорвавшихся бомб во время войны), митрополит обращается к главе партии и правительства так, будто тот – Патриарх: «Я горячо прошу Вас, дорогой Никита Сергеевич, разрешить мне работать в Москве в моем прежнем звании митрополита Крутицкого». Митрополит пытается представить дело так, будто и руководство Отделом внешних сношений он оставил по своей воле: «Внешнюю церковную деятельность Патриархии я передал своему молодому помощнику в июне сего года». Но готов и дальше курировать это направление, дабы не пропал накопленный опыт. Никак не хочет митрополит уезжать из Москвы в Ленинград – даже справками запасся, что Ленинград вреден для его здоровья (но Патриарх-то предлагал любую кафедру на выбор). Николай умоляет Хрущева так, будто речь идет если не о казни, то об аресте: «Пощадите меня ради этой моей посильной многолетней работы для великой Родины, верным сыном которой я был и буду до последнего издыхания» [12, л.188].

Не получив ответа от Хрущева, Николай попробовал прибегнуть к заступничеству В. Куроедова. На встрече с ним 13 сентября «митрополит много говорил о своих заслугах, при этом принижал

* «Подробности об обстоятельствах отставки митрополита Николая наиболее верно, как мне кажется, рассказывал А.В. Ведерников в Москве в 1968 году. По его словам, к Патриарху весной 1960 года явился Куроедов и его сотрудник, кажется, Фуков. В течение нескольких часов они кричали на Патриарха, категорически требуя устранения митрополита Николая от всех должностей. Патриарх долго сопротивлялся, но, наконец, вынужден был уступить, выговорив только, что увольнение митрополита Николая будет происходить постепенно, с временными промежутками, что и было впоследствии осуществлено», - рассказывал архиепископ Василий (Кривошеин В. Две встречи. С.97).

** Николай прямо признал этот мотив его отказа занять ленинградскую кафедру в беседе с В. Куроедовым 13 сентября 1960 г.

роль патриарха, клеветал на него, рисовал его как реакционного церковного деятеля, лицемерно заявляя, что только он, митрополит, сдерживает патриарха от многих неправильных шагов, направляя его на прогрессивные дела» [12, л.177]. Якобы он отговаривал Патриарха добиваться встречи с Хрущевым, чтобы жаловаться на притеснения 1958-1959 гг.

Характерно, что критика Патриарха Николаем подтверждалась информацией А. Осипова, который писал об Алексии: «Его идеал – XVI век, расцвет монастырей, покровительство монахам на всех административных постах, пышность обрядов, восточно-византийская сложность церемоний и т.д.» [7, л.257]. Но Куроедов встал на сторону Патриарха, так как Николай уже был назначен «крайним» за конфликт государства и Церкви.

15 сентября Алексей рассказал Куроедову о трудностях с Николаем: «Лучше я уйду на покой, - заявил Николай патриарху, - чем поеду в Ленинград или какую-либо другую епархию». «Митрополит видимо решил, - сказал Алексей, - идти во банк» [12, л.177]. Тогда Куроедов пересказал Патриарху свою беседу с Николаем. «Алексий был крайне возмущен двурушническим поведением Николая, он неоднократно восклицал: «Какой лгун, какой нахал!» «Никогда не было, - заявил патриарх, - чтобы митрополит уговаривал меня не ставить определенные церковные вопросы перед правительством. Наоборот, он сам всегда обострял эти вопросы и торопил меня с их решением... Я сорок лет работал с Николаем, но у меня никогда не было с ним внутренней близости. Все знают, что он карьерист – он спит и видит, когда он будет патриархом. У меня с ним были хорошие только внешние отношения, он как был западником, так западником и остается» [12, л.177-178].

В тот же день Патриарх поставил митрополита перед выбором – или отъезд в Ленинград, или уход на покой. 16 сентября Николай был отправлен на покой. 13 декабря он скончался. На похоронах митрополита присутствовал экзарх Западной Европы Антоний, которого «поразило не сочувственное, а иногда даже враждебное отношение к покойному со стороны собравшихся на похороны архиереев и духовенства. Никто не сказал о нем доброго слова. Даже если допустить здесь некоторое «приспособленчество» к обстановке, несомненно, что митрополит Николай не был популярен среди своих собратий, особенно архиереев. Его не любили за недоступность, нежелание поддерживать человеческие отношения. Особенно не любил он, когда к нему обращались его старые друзья. «С тех пор как я стал архиереем, я порвал все личные отношения», — говорил он» [10, с.95].

На падение Николая часть церковного руководства смотрела с почти нескрываемым удовольствием. Пока власть благоволила ему, Николай сумел своим поведением приобрести себе множество недругов среди иерархов и сотрудников. Преемник Николая епископ Никодим обвинял его в «культе личности»: под руководством Николая «Журнал Московской Патриархии» постоянно восхвалял митрополита и посвящал ему больше материалов, чем Патриарху [10, с.89].

Одновременно с давлением на Патриархию власти натравили на Церковь комсомол. На Пасху 1960 г. в ряде городов (Киев, Рига, Таллин) республиканские комсомольские организации организовали провокации в храмах, закончившиеся потасовками. Но РПЦ еще раз подтвердила свою устойчивость – на Пасху 1960 г. в церквях собралось больше прихожан, чем в 1959 г. [5, с.371]. Более того, советские люди толпами ходили со свечами и на прилегающих к переполненным церквям улицам.

Реформа 1961 г. и усиление сергианцев

Пик противостояния Церкви и государства в 1960-1961 гг. длился недолго – РПЦ пошла на уступки, а государство не стало развивать инициативу за пределы, намеченные январским постановлением 1960 г.

Весной 1960 г. Синод разослал предложения по внесению поправок в «Положение об управлении русской Православной Церковью» [10, с.57-58]. Только 16 января 1961 г., когда основные позиции были согласованы, вышло постановление Совета министров «Об усилении контроля за деятельностью церкви».

Церковная реформа предполагала «отстранение духовенства от административных, финансово-хозяйственных дел в религиозных объединениях», передачу этих дел органам, выбранным из числа верующих, «перекрытие всех каналов благотворительной деятельности церкви», «ликвидацию льгот для церковнослужителей в отношении подоходного налога, обложение их как некоего персонала церкви, прекращение государственного социального обслуживания гражданского персонала церкви, снятие профсоюзного обслуживания», перевод служителей культа на твердые оклады, «ограждение детей от влияния религии» [3, с.115].

18 апреля 1961 г. Синод утвердил поправки к Положению об управлении 18 июля в день памяти Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой Лавре состоялся Архиерейский собор, который по докладу митрополита Пимена (Извекова) принял согласованные с государством поправки к «Положению об управлении Русской Православной Церкви». Священники и клирики устранялись от участия в приходских собраниях и приходских советах, занимавшихся хозяйственными делами. Реальная власть передавалась избранной приходским собранием тройке (староста, его заместитель и казначей).

Четырех строптивых архиепископов, которые могли выступить с протестами, не пригласили на Собор, а все же явившегося Ермогена не допустили к заседаниям.

Патриарх Алексей так обосновал перемены: "Умный настоятель, благоговейный совершитель богослужений и, что весьма важно, человек безукоризненной жизни, всегда сумеет сохранить свой авторитет в приходе. И будет прислушиваться к его мнению, а он будет спокоен, что заботы хозяйственные уже не лежат на нем и что он может всецело отдаться духовному руководству своих пасомых» [13, с.6].

После принятия актов 1961 г. через церковные советы проведено увольнение строптивых священников в тех регионах, где их защищали архиепископы. Но поскольку государственных репрессий против этих священников обычно не следовало, они затем находили место в новых приходах.

Собор 1961 г. расширил состав священного Синода, в него вошли митрополиты Пимен (Извеков) и Никодим (Ротов), сменивший Николая на посту главы Отдела внешних церковных сношений.

В 60-е гг. стала усиливаться тенденция, противостоящая консерватизму Алексея с полуболенческих позиций, опирающихся на наследие Патриарха Сергия. Лидером этого течения в 60-70-е гг. как раз и стал митрополит Никодим. Архиепископ Василий рассказывает: «Нам пришлось лететь вместе на том же самолете из Афин до Брюсселя после окончания Родосского Собрания. По дороге он разговорился и начал рассказывать о Патриархе Алексии, вернее, жаловаться на трудности с ним: «Мы все жалеем, что патриарх Сергей так скоро умер. Если бы он прожил дольше, он многого бы добился для Церкви. А Патриарх Алексий — робкий и равнодушный человек, он аристократ и барин, а поэтому смотрит на Церковь, как на свою вотчину. Он считает, что может в ней распоряжаться, как ему вздумается. К архиереям он относится свысока, чуждается их, считает невеждами. Странная вещь, сам же их выбрал, сам их рукоположил, а теперь чуждается их. Свои аристократические связи ставит выше церковных отношений» [10, с.181].

Эти слова перекликаются с информацией А. Осипова — такое мнение было широко распространенным. Любопытный штрих — Никодим был диссертантом Осипова [8, с.120]. При том, что Осипов до 1959 г. скрывал свои антиклерикальные, а затем и атеистические взгляды, но его инакомыслие было заметным, и высказываемое в умеренной форме, не вызывало отторжения архимандрита Никодима.

Н. Митрохин связывает кадровые перемены времен Хрущева с надеждами партии и правительства «задушить Церковь». «Для этого Совет по делам РПЦ подобрал из молодых, перспективных и, как казалось, просоветски настроенных священников несколько десятков кандидатур, которых решениями Священного Синода в 1959-1962 гг. сделали епископами» [6, с.175-176]. Это утверждение выглядит несколько натянутым. Во-первых, «несколько десятков» — это 20 (для сравнения — в 1965-1967 гг., уже при Брежнев, было хиротонисано 19 епископов). Во-вторых, если «инфильтрация» «крестников Никиты Сергеевича», как назвал их Н. Митрохин, ставила целью установление контроля над РПЦ и даже ее ликвидацию, то непонятно, почему их так легко одобрил «неподконтрольный» прежде Синод. Если Синод и прежде был подконтролен, то хиротонисание «крестников» ничего не меняло. Напомним также, что до 1961 г. Совет возглавлял сторонник компромисса КПСС и РПЦ Г. Карпов. Но и после его отставки кадровый вопрос оставался плодом компромисса — Алексей выдвигал предложения, а Совет и партийные инстанции давали санкцию. Скажем, после отставки митрополита Николая на его место Патриарх предложил митрополита Ленинградского Питирима. В. Куроедов предложил поддержать эту кандидатуру, так как митрополит «правильно понимает политику нашего государства» [12, л.178]. Алексей жаловался на то, что государство вмешивается в процесс назначения иерархов, но на практике инициатива в кадровом вопросе принадлежала все же ему, а государство следило, чтобы не усилились позиции строптивых церковных деятелей.

Так что версия шпионской спецоперации по внедрению агентов в руководство РПЦ плохо вяжется с известными фактами. В том числе и теми, которые приводит сам Н. Митрохин* [6, с.176]. Епископы «призыва» 1959-1962 гг. были лояльны Советскому государству, но они не были его агентами и жили идейной жизнью, далекой от марксизма-ленинизма. Их кандидатуры были утверждены путем согласования всех заинтересованных сторон — и Совета, и иерархии РПЦ, где первейшее слово принадлежало Патриарху.

Возглавив Отдел внешних сношений, Никодим проявил себя как умелый дипломат. Он добился от собратьев по православию из других стран согласия не вносить в совместные документы задачу борьбу с атеизмом, а католикам, от которых это было бессмысленно требовать, говорил, что делегация РПЦ может присутствовать в качестве гостей на II Ватиканском соборе, даже если там будут критиковать атеизм: «против этого мы совсем не возражаем, наоборот. Нам только важно,

* Н. Митрохин считает, что власти «просчитались». Действительно, «удушение» не состоялось. Но не потому, что «агенты» оказались ненадежны, а потому, что и они не были просто «засланцами КПСС», и КПСС не ставила задачу «удушения» как актуальную.

чтобы Собор не провозгласил крестового похода против коммунизма и советской власти» [10, с.144]. И то, и другое было полезно для внешнеполитических интересов СССР.

В то же время Никодим прилагал большие усилия, чтобы ослабить давление на Церковь, не вступая в открытый конфликт с государством. Так, чтобы прекратить нападки на Ленинградскую духовную академию, он подключил ее к внешнеполитической работе.

С усилением сергианцев связаны и изменения в идеологии части руководства РПЦ. Более заметно в их выступлениях и проповедях стало унаследованное от обновленчества (к которому в 20-е гг. был причастен и будущий патриарх Сергей) «Октябрьское богословие» - проведение параллелей между заветами Христа и социалистическими идеями. «Правда, подобные взгляды вызвали неприятие у многих священнослужителей, и в 1970-е гг., когда волна гонений схлынула, процесс такой «модернизации» по существу прекратился» [5, с.386], – комментирует М.В. Шкаровский. Эта увязка полевого и «гонений» не точна – архиепископ Василий (Кривошеин) с недовольством пишет об «Октябрьском христианстве» на Соборе 1971 г. Проводником этой тенденции был митрополит Никодим, деятельность которого продолжалась и в 70-е гг. [10, с.197].

В докладе митрополита Никодима, посвященного юбилею Собора 1917-1918 гг., критиковались антисоветские выступления священников в первые годы советской власти как «ошибки и заблуждения, обусловленные духовной связью его участников со старым миром»* [2, с.524]. Этот взгляд нашел отражение и в речах Патриарха, составленных не без влияния Никодима и других сергианцев. В своем послании, посвященном пятидесятилетию Октябрьской революции, патриарх Алексий I говорил о присутствии в ней «начинаний, созвучных евангельским идеалам» [14, с.99]. Эту точку зрения поддерживал в своих выступлениях и будущий Патриарх митрополит Пимен.

Были возможны и более радикальные мнения в духе «теологии освобождения». Так, архиепископ Львовский Николай заявил на одной из международных конференций: «истинный последователь Евангелия должен в настоящее время взять в руки автомат и бороться вместе с повстанцами против фашистов и капиталистов» [14, с.71].

Церковь была одним из полей, на котором разыгрывалась борьба идей, развернувшаяся в советском обществе. Антитрадиционалистские заявления Никодима были продиктованы не только его лояльностью власти, но и собственной позицией в вековом внутрицерковном конфликте между новаторами и традиционалистами.

В то же время, Никодим прекрасно осознавал противоречие православного мировоззрения и основ коммунистического режима. В этом отношении характерно его объяснение большей свободы Церкви в Югославии, чем в СССР: «Те, кто делает такое сравнение, упускают из виду основное различие между Югославией и Россией. В Югославии Православие — это, прежде всего, быт, национальная традиция, ничем не угрожающая властям, а потому она и терпит такое Православие. А у нас — это вера, идеология, мировоззрение, исповедничество даже, отвергающее самые основы строя. Власть наша видит здесь опасность для себя и потому более жестко относится к Церкви» [10, с.184-185]. «Диалог между марксизмом и христианством он отвергал, считал его нечестным взаимным обманом. Об этом он открыто говорил на Пятой ассамблее Всемирного Совета Церквей в Упсале в 1968 году и во многих других местах на Западе. Нужно сказать, что держаться так твердо такой позиции ему было не трудно. Помогало то обстоятельство, что и советская власть настроена тоже против всякого диалога между марксистами и христианами» [10, с.207]. Советскому государству нужен был заповедник, а не активное общественное движение в лице РПЦ.

Гонения или притеснения?

Установив новые рамки отношений с РПЦ, власти принялись решительно загонять в них Церковь.

В 1961 г. была проведена ревизия церковного имущества, и государство отбирало все, что не было полностью оформлено. С 1962 г. духовенство было переведено на твердые оклады, а кто получал деньги непосредственно от верующих – снимался с регистрации. Против упорствующих могли применить и уголовные репрессии. Но власти и здесь предпочитали начать с профилактики: «Более того, когда против кого-нибудь имеется обвинение, что он скрывает свои доходы, его никогда сразу не предают суду, но вызывают сначала к фининспектору на объяснение, и если обвинение оказывается правильным, дают возможность в известный срок уплатить требуемую сумму и только в случае отказа привлекают к суду» [10, с.72], – говорил митрополит Николай архиепископу Василию.

Но те иерархи, которые продолжали заниматься хозяйственными делами, могли оказаться в заключении за хозяйственные преступления, особенно, если к ним были другие претензии (был осужден архиепископ Казанский Иов).

Государство осуществляло переучет приходов, выявление малоиспользуемых, «затухающих» приходов. Пресекалась материальная помощь таким приходам из центра. Не удавалось сохранить

* При этом к революции как таковой Никодим относился скорее скептически

приходы, не пользовавшиеся популярностью у прихожан или расположенные в местностях с небольшим количеством верующих. Эти меры продолжали проводиться и после отставки Хрущева.

Была введена регистрация треб – верующие попадали «под колпак» государственных органов, и у них начинались неприятности на работе. Правда, выполнить это решение полностью оказалось уже невозможно – требы продолжались и без регистрации, и со второй половины 60-х гг. государственный контроль за регистрацией ослаб.

Верующие сопротивлялись и попытке отделить Церковь от воспитания детей. Дружинники пытались не пускать детей в церкви, что то и дело приводило к потасовкам, а то и небольшим волнениям.

Количество жалоб на самоуправство властей со стороны верующих в 1961-1962 гг. возросло вдвое – и это были открытые протесты, не говоря уж о латентном недовольстве. В некоторых местностях «плановое» сокращение числа церквей приводило к массовым волнениям, в которых принимали участие сотни, а то и тысячи людей – в Киеве, Клинцах Брянской области, Ново-Збруевке Херсонской области.

Но компромисс 1961 г. привел к постепенному спаду антирелигиозной кампании. Симптомом нормализации стало награждение Алексия орденом Трудового Красного знамени за миротворческую деятельность 8 ноября 1962 г. За первые 8,5 месяца 1963 г. было снято с регистрации 310 храмов – в 4 раза меньше, чем до октября 1962 г. [5, с.387]. Это была уже заметная «оттепель» в отношениях государства и РПЦ. Буря стала стихать.

Но это не значит, что отношения полностью нормализовались. В 1963 г. была закрыта Киево-Печерская Лавра. Почаевская устояла, но число монахов сократилось в несколько раз. Руководство УССР надеялось добиться закрытия Лавры, монахов подвергали психиатрическому освидетельствованию, разгоняли паломников – но их становилось все больше.

Число монастырей сократилось с 47 до 16 – в новых экономических условиях небольшие монастыри просто не могли выжить. Число монахов сократилось в два раза (то есть меньше, чем количество монастырей). В 1964 г. впервые с 30-х гг. в Москве был снесен храм – Малого Преображения.

Притеснения РПЦ были сильнее, чем других конфессий. В 1958-1964 гг. было закрыто 5863 православных прихода (большинство в 1960-1962 гг.) и 865 общин иных конфессий. В итоге число последних достигло 60% от числа православных. При этом наступление против РПЦ способствовало росту сектантства, о чем партийные органы предупреждали уполномоченные по делам РПЦ [4, л.46].

Особенно тяжело атеистическим агитаторам приходилось при столкновении с баптистами. Их методы пропаганды были хорошо продуманы [4, л.170]. Партийные агитаторы отмечали, что баптисты втягивают новых людей в свое вероисповедание «по случаю какого-нибудь горя» [4, л.170]. Секретарь сталинского райкома Хабаровска Безуглова рассказывала: «Баптисты работали по своей методе «поговори с каждым»... Я как-то разговаривала с одной женщиной, у нее было несчастье, в семье пил муж, баптисты на него как-то повлияли, и он перестал пить» [4, л.168]. Вот беда-то для партработников – баптисты могут так повлиять, а коммунистические пропагандисты – не могут. «А эта женщина решила, что это бог спас, бог оздоровил обстановку в семье, и она и дочь втянула туда, и сына втянула. Она верит в это довольно основательно. Разубедить семью такую очень трудно» [4, л.169]. Может, прежде чем разубеждать, попробовать с алкоголизма начать?

Чтобы как-то остановить рост баптизма, приходилось даже соглашаться на публичные диспуты с ними. Чтобы победить, партийные агитаторы собирали большой численный перевес – треть верующих, две трети – сторонники атеизма. В этих условиях можно было устроить пресвитеру обструкцию, «пришибить на трибуне», да еще вывалить на него личный компромат [4, л.170].

Не лучше было и с католичеством. Ватикан назначает священников, «враждебно настроенных к Советской власти», – докладывали в отдел пропаганды и агитации ЦК. А где найти других, если кадры католического клира из числа советских граждан почти поголовно отсидели в лагерях, а еще недавно были гражданами других государств – к западу от границы СССР 1939 года [15, л.2]. Большим успехом считалось, что в ходе антирелигиозной кампании в Литве в 1958-1959 г. заключение браков в костелах Каунаса сократилось на треть [16, л.77]. Но ведь две трети остались.

«Времена хрущевской оттепели обернулись для представителей различных конфессий лютым морозом» [5, с.359], – пишет авторитетный исследователь церковной истории М.В. Шкаровский. Но приведенный им материал не подтверждает этого приговора. Если то, что происходило в 1960-1963 гг. – «лютый мороз», то что тогда – события 20-30-х гг. Искусственно трагедизируя ситуацию времен Хрущева, авторы девальвируют само понятие «гонений», уравнивают «мороз» и «похолодание», действительную трагедию довоенного периода с куда более мягким конфликтом начала 60-х гг.

Митрополит Никодим говорил архиепископу Василию в частном разговоре (дело происходило за рубежом): «Я знаю, — сказал он, — что у вас на Западе сложилось убеждение, что в Советском

Союзе происходит гонение на Церковь. (А это было как раз во времена хрущевского правления и всяческого гонения, когда церкви закрывались тысячами. — А.В.) На самом деле это не так! Неправильно говорить о закрытии приходов. То, что происходит, нужно назвать словом «перераспределение» или укрупнение самих приходов ради пользы церковной жизни. Например, бывает, что иногда в сравнительно небольшой местности действуют две церкви, одна рядом с другой на расстоянии нескольких сот метров. Это нецелесообразно! Одна церковь даже мешает другой, поэтому мы объединяем оба прихода, и потому приходится закрывать один из храмов. Бывает, что где-нибудь в сельской местности действует храм, а прихожан и верующих очень мало, они не могут ни содержать духовенство, ни ремонтировать храм, и даже сами просят его закрыть.

То же самое происходит и с семинариями. Некоторые из них, как Вы, наверное, знаете, закрылись, но это потому, что в них не поступало достаточное количество семинаристов, они пустовали. После войны был процесс, когда был большой недостаток в духовенстве, тогда открыли много семинарий... ну, а сейчас духовенства много, нет необходимости в стольких семинариях...» [10, с. 148-149].

Позднее, уже в брежневскую эпоху, когда ситуация стала спокойнее, Никодим вспоминал: «Часто обвиняют архиереев в том, что они не противятся закрытию церквей, — продолжал он рассуждать, — но возможности архиереев в этом вопросе очень ограничены, больше зависит от верующих, от их активности. А ее часто нету. Вот, например, когда я был архиепископом в Ярославской епархии, там тоже началось закрытие церквей, и верующие стали обращаться ко мне за помощью. Я им говорю: "Подайте прошение, что вы хотите сохранить храм, соберите побольше подписей, и тогда я смогу лучше вам помочь". И что ж Вы думаете? Мнут, жмутся, отнекиваются, и, в конце концов, ни один не подписывает, боятся» [10, с. 186-187]. Где не боялись, там власть отступала и сохраняла храм.

КПСС все время принимала планы «усиления атеистической пропаганды», но после 1961 г. все уже было усилено, и всем гражданам СССР уже успели сообщить, что «Бога нет», и почему это так. Как и обещал В. Куроедов, государство не намеревалось сокрушать Церковь, но ужесточило соблюдение финансовой дисциплины и вело «плановое сокращение» числа церквей и монастырей до числа, необходимого по мнению Совета для достаточного «удовлетворения религиозных потребностей верующих» - как будто речь шла о вредной привычке, вроде употребления алкоголя. Пить будут, но лучше бы поменьше.

Весной 1964 г. по линии Совета по делам РПЦ развернулась борьба против перегибов в антирелигиозной работе. Преодоление перегибов поддержал и начальник 5-го управления КГБ Ф. Бобков [5, с. 388].

В условиях «оттепели» и тем более «застоя» борьба течений уже не велась на уничтожение, и хрущевское «гонение» на практике не угрожало Церкви, что бы ни говорил сам первый секретарь. Как коммунист, Хрущев надеялся на то, что когда-нибудь успехи науки победят религиозные предрассудки. Но не найдено доказательств того, что он стремился достичь такого результата насильем, разрушением церковной инфраструктуры. Православный историк В. Цыпин справедливо указывает, что «решительное отличие хрущевских гонений от тех, которые обрушились на Церковь в 20-е и 30-е гг., заключались, однако, в том, что они прошли без кровопролития и почти без арестов» [2, с. 517]. Но тогда, дабы не обесценивать само слово «гонения», которое действительно свидетельствует о широкомасштабных трагедиях прежних времен, события 50-60-х гг. имеет смысл называть не гонениями, а скромнее — притеснениями.

Источники и литература

1. Обновленческий» раскол. (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). / Сост. И.В. Соловьев. — М., 2002.
2. Цыпин В. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды. — М., 2006.
3. Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь и II Ватиканский собор. — М., 2004.
4. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). — Ф.5. — Оп.33. — Д.123.
5. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. — М., 1999.
6. Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. — М., 2006.
7. РГАНИ. — Ф.5. — Оп.33. — Д.126.
8. Фирсов С.Л. Апостасия. «Атеист Александр Осипов» и эпоха хрущевских гонений на Русскую Православную Церковь. — СПб., 2004.
9. Журнал Московской Патриархии. — 1960. — №3.
10. Кривошеин В. Две встречи. — СПб., 2003.
11. Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». 1953-1964. — М., 2002.
12. РГАНИ. — Ф.5. — Оп.33. — Д.162.
13. Журнал Московской Патриархии. — 1961. — №8.
14. Кривошеин В. Поместный Собор Русской Православной Церкви. 1971. Избрание Патриарха Пимена. — СПб., 2004.

15. РГАНІ. – Ф.5. – Оп.33. – Д.127.

16. РГАНІ. – Ф.5. – Оп.33. – Д.125.

Summary

The author analyzes the motives and course of antireligious campaign in 50-60s of XX century. The campaign was caused by USSR government pragmatic interests and fear. In spite of resounding proclamations in reality the State didn't have in mind to wind up the Church during its campaign but it only put the Russian Orthodox Church activity in more strict framework. However this framework was considerably wider than before the World War II. The author depicts the full of drama picture of oppression opposition, controversies in Russian Orthodox Church of that period.

С. В. Пронь

ВІДНОСИНИ З ЯПОНІЄЮ В ЗОВНІШНІЙ ПОЛІТИЦІ УКРАЇНИ НАПРИКІНЦІ ХХ – НА ПОЧАТКУ ХХІ СТОЛІТЬ

Японія в уяві українців завжди була країною-загадкою, пов'язаною з дивом, починаючи з незрозумілих слів – самурай, бусідо, сьогун і до „ніхонтекі кейей” („японський стиль управління”).

Дійсно, у „дивовижному” перетворенні Японії із слабкої, малорозвиненої, азійської країни на могутню економічну, промислову, науково-технічну, фінансову, соціальну, традиційно східну, але сучасну державу єврокапіталістичного типу є багато складових частин. Домінуючих складових, на думку автора, дві – це, по-перше, унікальність японської нації, характер народу, який, за японським прислів'ям, може, „сім разів упасти і вісім разів піднятися”; та, по-друге, зважена (поміркована) політика Сполучених Штатів Америки щодо Японії, відштовхуючись від діяльності окупаційних військ на чолі з Дугласом Макартуром [1], до військово-політичного союзу 1951 року і його подальшої трансформації.

Відносно першої складової лише зауважу, що шлях, подоланий післявоєнною Японією, вражає: країна, яка, за природньо-географічними даними (розташована на 4000 островів) [2, с.9] та наявними енерго-сировинними ресурсами (на 99,7 % імпортує нафту; на 99,9 % - залізну руду; на 100 % - боксити та нікель ...) [3, с.83] фактично була приреченою до жалюгідного становища, сьогодні посідає першу світову сходинку у виробництві автомобілів, телевізорів, відеомагнітофонів, є найкрупнішим фінансовим кредитором. Якщо до 1951 року промисловість країни досягла довоєнного рівня, то в другій половині 1960-х Японія саме за цим показником обійшла Велику Британію, Францію, Німеччину. Валовий національний продукт (ВНП) Японії зріс із 6 трлн. ієн у 1952 році до 391 трлн. у 1989 році, тобто в 65 разів [4, с.7]. Валовий внутрішній продукт (ВВП) Японії на душу населення склав у 2006 році – 33819 доларів у порівнянні з провідними європейськими державами: Велико-британією – 30355 доларів, Францією – 29222 долари [5, с.181, 33, 85].

Ще в середні віки було підраховано, що японська земля може „прогодувати” 30 млн. чоловік, сьогодні населення Японії дорівнює 127,4 млн., 90% якого вважають себе „середнім класом”; тривалість життя – 81,5 року.

Щодо другої складової – цілеспрямованої політики США відносно Японії, біля джерел якої були Сан-Франциська конференція 1951 року, американсько-японський Договір безпеки та Сан-Франциська система в цілому, то хотів би, не забираючи час, відіслати зацікавлених саме цим чинником до своєї монографії „США та Японія в Азіатсько-Тихоокеанському регіоні”, надрукованої у 2003 році [6].

Зовнішня політика Японії була й залишається об'єктом дослідження як закордонних вчених, у першу чергу російських, так і вітчизняних, які за масштабами, характером та рівнем друкованих праць значно „відстають” від своїх сусідніх колег. Серед російських науковців зовнішньої політики та дипломатії Японії повоєнного часу необхідно виділити К.О. Саркісова, Б.М. Славінського, М.Г. Носова, О.О. Аріна, А.П. Маркова, В.М. Єрьоміна, В.М. Буніна, О.Д. Богатурова [7]. Серед українських вчених заслуговують на увагу роботи С.О. Шергіна, Б.М. Гончара, М.А. Тарана, М.М. Кирієнка [8].

Повертаючись до проблематики обраної теми, зауважу, що важким, тривалим і непростим виявився шлях України до Японії після отримання незалежності. Як відомо, Японія визнала незалежність України 28 грудня 1991 року, а 26 січня 1991 року встановила з нею дипломатичні відносини [9, с.88]. Фактично через рік японські дипломати прибули до Києва і започаткували своє посольство, яке з травня 1993 року очолив Сьодзі Суедзава, Надзвичайний і Повноважний посол Японії в Україні, дипломат високого рівня, фахівець своєї справи.

Необхідно зауважити, що „японський напрям” тих часів лише тільки вимальовувався серед пріоритетів зовнішньої політики України. Цілий ряд обставин перешкоджав повноцінній розбудові